

№ 52/6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНИК

9966-92

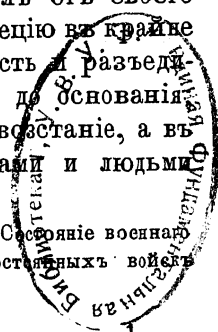
СТАРО-ШВЕДСКОЕ ВОЕННОЕ ПРАВО ¹⁾.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій, его блистательный походъ въ Германію и важнѣйшія военныя преобразованія.—Памятники его военнаго законодательства: военные артикулы, военные суды, должность генераль-аудитора.—Военные артикулы Христіана IV, короля датскаго, и Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ.—Распространеніе инквизиціоннаго процесса въ св. Римской имперіи во время тридцатилѣтней войны.

Еще современники Густава-Адольфа признали, да и теперь никто не можетъ отрицать, что изъ всего великаго сдѣланнаго имъ, какъ королемъ и полководцемъ, наиболѣе важное мѣсто занимаетъ его *военное право*, принятое сначала протестантскими государствами всецѣло, безо всякихъ перемѣнъ, но вскорѣ за тѣмъ измѣненное и затемненное, вслѣдствіе тѣхъ особыхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ комплектовались, устраивались, содержались и управлялись *постоянныя арміи*, т.-е. подъ вліяніемъ *политическаго устройства каждаго государства*.

Густавъ-Адольфъ наслѣдовалъ престолъ отъ своего отца Карла IX въ 1611 г. и засталъ Швецію въ крайне разстроенномъ состояніи: внутри бѣдность и развѣденіе, крестьяне и горожане разорены до основанія, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ открытое возстаніе, а въ будущемъ нескончаемые поборы деньгами и людьми.

1) Глава III изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Состояніе военнаго права въ Зап. Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (XVI, XVII и начало XVIII в.).“

для веденія тяжелыхъ войнъ съ Россіей, Польшею и Даніей!

Молодой король, (при вступленіи на престолъ ему было 17 лѣтъ), въ короткое время, окончивъ войну съ Даніей, прежде всего обезпечилъ спокойствіе въ государствѣ; затѣмъ, въ 1617 г., заключилъ выгодный для Швеціи Столбовскій миръ съ Россіей, привелъ въ повиновеніе Лифляндію, утвердился въ Ригѣ и, разбивъ поляковъ подъ Данцигомъ и Дершау, овладѣлъ провинціей Пруссіей; эти военные успѣхи доставили Швеціи полное господство на Балтійскомъ морѣ.

Въ это время протестантское дѣло въ Германіи находилось въ критическомъ положеніи. Датскій король Христіанъ IV долженъ былъ уступить силѣ, и по Любскому миру обязался не мѣшать управляться съ протестантами. Протестантскіе имперскіе государи и князья одинъ за другимъ уже давно покорились могущественному римскому императору, который угрожалъ реституціоннымъ эдиктомъ 1629 года и, думая уже о завоеваніи Балтійскаго побережья, украсилъ титулъ своего полководца громкимъ добавленіемъ: „и великій адмиралъ Римской имперіи на Балтійскомъ морѣ“.

Высадивъ свою армію на островъ Руденъ, шведскій король въ короткое время нанесъ своимъ многочисленнымъ и могущественнымъ противникамъ поражение при *Брейтенфельдѣ*, занялъ Мюнхенъ, разбилъ вторично Тилли на переправѣ черезъ р. *Лехъ* и обратился противъ имперцевъ. Къ несчастію для протестантовъ, Густавъ-Адольфъ палъ подъ *Люценомъ* въ 1632 году: онъ пораженъ былъ въ то время, когда во главѣ Смаландскаго коннаго полка атаковалъ непріятельскихъ мушкетеровъ, а его пѣхотныя *бригады* овладѣли вторично центральною баттареей арміи Валленштейна. Шведы и ихъ союзники остались и здѣсь побѣдителями.

Походъ шведскихъ войскъ въ Германію важенъ для насъ не столько по обнаруженнымъ въ немъ военнымъ дарованіямъ полководца, не столько блескомъ побѣдъ,

не столько своею *внѣшнею стороною*, сколько превосходящими всѣ современныя войска *внутренними*, собственно *нравственными качествами* шведскихъ войскъ. Эти войска отличались необычною для тѣхъ временъ стойкостью, строгимъ внутреннимъ порядкомъ и примѣрною дисциплиною. Они не только не позволяли себѣ какихъ бы то ни было насилій надъ мирными жителями городовъ и селъ, но, напротивъ, нерѣдко въ самые тяжкіе дни испытаній дѣлились солдатскою пищею съ обнищавшими отъ постоянныхъ раззореній жителями.

Изъ числа многихъ примѣровъ, приведенныхъ Фрицціусомъ въ исторіи нѣмецкаго, особенно же прусскаго военнаго права, для характеристики шведскаго полководца и военнаго законодателя, мы остановимся на слѣдующихъ.

Еще въ 1621 г. Густавъ-Адольтъ требовалъ отъ своего генерала Штіернфельда, дѣйствовавшаго въ Лифляндіи, чтобы шведскіе солдаты не позволяли себѣ насилій надъ жителями. „Мы ведемъ войну не съ крестьянами, писалъ онъ, которыхъ мы желали бы покорить богатыми, а не раззоренными“. Черезъ четыре дня по высадкѣ шведскихъ войскъ въ Германіи онъ объявилъ имъ строжайшее запрещеніе грабежей, притѣсненій, вымогательствъ; отдѣльному же шведскому отряду, оставленному въ Помераніи, отданъ былъ приказъ, съ угрозою, что офицеры отвѣтятъ головою за причиненіе обидъ мирнымъ жителямъ страны. Густавъ-Адольтъ не шутилъ своими повелѣніями. Въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, при обстоятельствахъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, король приговорилъ къ смертной казни своего капрала по жалобѣ крестьянина за уведенную у него солдатами корову. Постановляя приговоръ надъ своимъ капраломъ, король произнесъ слѣдующія слова: „если я тебя не накажу, то Богъ накажетъ насъ всѣхъ, вмѣстѣ съ тобою“. Будучи неумолимо строгимъ къ нарушителямъ дисциплины и воинскихъ порядковъ, король во многихъ случаяхъ

обнаружилъ кротость и милосердіе даже къ своимъ врагамъ: однажды взятые въ плѣнъ австрійскіе солдаты, которые, какъ извѣстно, не давали пощады шведамъ, будучи приведены къ королю, бросились къ его ногамъ и просили о пощадѣ: „Встаньте“, сказалъ Густавъ-Адольфъ, „я не Богъ. Молитесь всемогущему Богу и благодарите его за спасеніе вашей жизни, хотя вы вполне заслуживаете, чтобы съ вами поступали такъ же, какъ вы поступаете съ другими“²⁾).

Сила полководца и его помощниковъ заключалась въ высокоразвитыхъ началахъ военного права; все было основано на *любви къ отечеству, на святости дома военно-служащаго, на его высокомъ призваніи*. Военное право Густава-Адольфа, сколько можно судить по памятникамъ, до насъ дошедшимъ, не отдѣлялось отъ военной полиціи, и всѣ правовыя начала были осуществляемы строго рассчитанною организаціей войскъ, рѣзко отличавшихся отъ военно-административнаго и боеваго строя другихъ современныхъ армій въ Европѣ. Эта черта чрезвычайно характерна; она противоположна основной идеѣ французскаго военного права, благодаря которому французскія войска бывали необузданы въ своихъ внѣслужебныхъ отношеніяхъ къ жителямъ, и ужасными насиліями ознаменовали свои блестящіе военные подвиги при Людовикѣ XIV.

Дѣйствительно, въ теченіе почти *трехъ столтій* послѣ изобрѣтенія пороха никто въ Европѣ не ввелъ такихъ капитальныхъ улучшеній въ образѣ веденія войны, въ управленіи войскъ, въ порядкѣ отправленія службы, въ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ войска, въ особенности же въ поддержаніи дисциплины, посредствомъ твердыхъ и ясныхъ военныхъ законовъ, какія сдѣланы Густавомъ-Адольфомъ въ шведской арміи въ теченіи двадцатилѣтняго его царствованія, зна-

²⁾ Frickius „Geschichte des deutschen, insbesondere des preussischen Kriegsrechts“, стр. 69 и слѣдующія.

чительная доля котораго посвящена была королемъ знакомству съ военнымъ бытомъ въ мирное и военное время.

Придя къ тому убѣжденію, что постоянная армія необходима въ государствѣ, король умѣлъ заботливо приискивать и избирать средства, чтобы при такомъ *новомъ* состояніи войскъ, къ которому начали приступать въ современной Европѣ, внести разумныя и твердыя начала по всѣмъ частямъ боеваго устройства войскъ. Опытнымъ взглядомъ военачальника онъ обнялъ всѣ части арміи и далъ шведскимъ войскамъ образцовые для своего времени устройство, управленіе, законы.

Введенныя имъ преобразованія имѣли въ виду: 1) сдѣлать войска болѣе подвижными; 2) дать огню болѣшую сосредоточенность и количественную силу и 3) основать дѣйствіе трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, на взаимной поддержкѣ и болѣшей связи этихъ войскъ на полѣ сраженія. Въ тѣсной связи съ этими, чисто боевыми, преобразованіями, шли слѣдующія улучшенія:

Раздѣленіе войскъ на болѣе подвижныя части, причемъ офицерамъ даны лучшія средства для надзора и руководства солдатъ; кромѣ достиженія боевыхъ цѣлей, при этомъ упрощено управленіе войсками. Прежде полки составляли независимыя одна отъ другой боевыя и административныя части; не было никакой органической связи между ними и главнокомандующимъ; подобно рыцарскому замку, полкъ составлялъ замкнутое въ самомъ себѣ цѣлое. У Густава же Адольфа полки не только были соединены въ *бригады*, но и бригады подчинялись особымъ высшимъ начальникамъ, такъ что всѣ части войскъ имѣли общую связь и послѣдовательную зависимость. Такой административный пріемъ ввелъ порядокъ въ приложеніи принципа *военнаго повиновенія* отъ младшихъ къ старшимъ и упрощалъ всѣ распоряженія начальниковъ.

Многія преступленія происходили отъ беззаботности командировъ къ содержанію и одеждѣ солдатъ, которымъ нерѣдко предоставлялось самимъ добывать пищу и одежду въ занятой странѣ! При подобномъ состояніи хозяйства въ войскахъ безсильны были повелѣнія, законы, угрозы и жестокія наказанія. Густавъ-Адольфъ ввелъ правильную систему довольствія войскъ, какъ жизненными припасами, такъ равно всѣмъ необходимымъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

Въ виду *продолжительности сроковъ службы* онъ позволилъ солдатамъ имѣть при себѣ женъ и дѣтей и заботился объ образованіи послѣднихъ, учредивъ съ этою цѣлью школы для солдатскихъ дѣтей, обращая на нихъ особенное вниманіе. Дѣти обучались у него даже въ военное время, и при выборѣ мѣста для лагеря, король всегда заботился о лучшемъ помѣщеніи школы. Не менѣе заботъ онъ обнаруживалъ въ призрѣніи больныхъ и раненыхъ, устройвъ госпитали и назначивъ часть денежныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ за нѣкоторые проступки, въ пользу лѣченія больныхъ. Высшее управленіе всѣми военными дѣлами сосредоточивалось *въ постоянномъ установленіи*, носившемъ наименованіе *главнаго или генеральнаго штаба*. Это учрежденіе слѣдуетъ отличать отъ генераль-квартирмейстерскаго штаба, на обязанность котораго возлагались обыкновенно рекогносцировки, составленіе плановъ. Отсюда собственно и беретъ начало различіе между генеральнымъ штабомъ, какъ особымъ спеціальнымъ корпусомъ офицеровъ, и главнымъ штабомъ, какъ главнымъ центральнымъ установленіемъ въ арміи. Мы видѣли разьединеніе не только родовъ войскъ по особымъ управленіямъ и юрисдикціямъ, но и независимое положеніе полковниковъ, съ крайне обширною властью, въ войскахъ имперскихъ. Главный штабъ Густава-Адольфа долженъ былъ заботиться о продовольствіи, одеждѣ, вооруженіи, снаряженіи *всѣхъ войскъ*, равно какъ о дисциплинѣ и правосудіи; наконецъ, въ немъ

составлялись планы для атаки и обороны. Подобнаго установленія еще не имѣли другія арміи; между тѣмъ главный штабъ служилъ Густаву-Адольфу средствомъ для приведенія всѣхъ распоряженій къ единству какъ въ частяхъ арміи, такъ и въ специальныхъ для нея учрежденіяхъ.

Другимъ постояннымъ установленіемъ былъ *военный советъ* (Kriegsrath), который вмѣстѣ съ тѣмъ назывался и *генеральнымъ военнымъ судомъ* (Kriegsgericht), и состоялъ изъ постоянныхъ членовъ наличныхъ, старшихъ по званію генераловъ и полковниковъ. Высшимъ органомъ по судебной и полицейской части въ арміи былъ *генераль-аудиторъ*, непосредственно подчиненный королю, а въ его отсутствіе—фельдмаршалу. Его обширная власть распространялась и на высшія полицейскія должности въ арміи. Низшими органами правосудія были *полковые суды* пѣхотные и кавалерійскіе, а надъ ними *верхніе суды* (Ober-Gerichten). Установленіе генеральнаго суда имѣло весьма важное юридическое значеніе.

Дошедшіе до насъ памятники шведскаго военнаго права (Schwedisches Krieigsrecht), впервые изданные въ Эльфснаббенѣ въ 1621 году, состоятъ изъ слѣдующихъ законовъ, напечатанныхъ, послѣ многихъ передѣлокъ и дополненій, по мѣрѣ опыта войнъ въ теченіе 11 лѣтъ, въ Нюрнбергѣ въ 1632 г., на нѣмецкомъ языкѣ, вскорѣ по кончинѣ Густава-Адольфа:

- 1) Der Kriegs-Artikels-Brief: *военные артикулы*.
- 2) Die General-und Obergerichts-Ordnung: *уставъ о генеральномъ и верхнемъ судахъ*.
- 3) Das Gesetz vom Amte des Generals Auditors: *законъ о должности генераль-аудитора*.
- 4) Das Gesetz vom Amte des Obristen-Profoss oder General-Gewaltigers und der Regiments-Profossen: *законъ о должности старшаго профосса или генераль-гевальтигера и полковыхъ профоссовъ*.
- 5) Das Gesetz von dem Amte des General-Tross oder

Wagenmeisters und aller Regiments Wagenmeister: законъ о должности генерала надъ обозомъ или вагенмейстера и полковыхъ вагенмейстеровъ.

6) Das Gesetz vom Amte des Rumormeisters: законъ о должности румормейстера.

Въ книжкѣ Петра Люція ³⁾, къ которой приложенъ „Опытный полководецъ“ 1644 г., эти законы Густава-Адольфа напечатаны подъ заглавіемъ: „Königl. Schwedischer Kriegs-Artickuls Brieff und General und Obergerichts Ordnung“, при указѣ короля, исполненномъ твердаго сознанія своихъ высокихъ обязанностей, чтобы поддерживать честь, добродѣтель и мужество военныхъ людей, своихъ и иноземцевъ, и преслѣдовать преступленія, унижающія военное состояніе людей.

„Военное право Густава-Адольфа“, говоритъ Фрицціусъ, „было плодомъ продолжительнаго изученія, глубокаго размышленія и высокой мудрости. Благодаря такимъ цѣлесообразнымъ законамъ не только достигнуты и обезпечены порядокъ и правосудіе на войнѣ, но подняты нравы и духъ народа“ ⁴⁾. Необходимо при этомъ замѣтить, что любимымъ писателемъ Густава-Адольфа былъ Гуго-Гроцій, гонимый латинскими канонистами.

Постараемся въ краткомъ очеркѣ сохранить, по возможности, существенныя черты шведскихъ законовъ, слѣдуя изложенію германскаго военнаго юриста и на

³⁾ Peter Lucius (Петръ Люцій) въ 1643 году издалъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Ринтельнѣ (Rinteln) законы Густава-Адольфа. Это изданіе имѣется въ библиотекѣ главнаго штаба.

⁴⁾ Frisicius, стр. 99. Авторъ значительную часть своего сочиненія (стр. 71—131) посвящаетъ описанію заслугъ Густава-Адольфа, въ которомъ онъ видитъ образецъ благороднѣйшаго, великодушнаго воина; см. изслѣдованія о военномъ правѣ въ главѣ X: Gustav-Adolphs Verbesserungen im Kriegswesen, besonders in der Rechtspflege, стр. 94 и далѣе. Мы, по возможности, вѣрно передаемъ взгляды и мысли германскаго военнаго юриста. Оспаривать этихъ мнѣній нѣтъ основанія; не одни германцы должны платить дань уваженія величайшему шведскому полководцу и глубокому знатоку человѣческаго сердца.

основаніи справокъ съ подлинными законами шведскаго полководца.

Шведскіе военные артикулы (Густава-Адольфа). Нѣмецкіе военные артикулы, будучи договорными грамотами или контрактами, нерѣдко временными, преходящими, случайными, содержали въ себѣ взаимныя права и обязанности государей и полковниковъ, съ одной стороны, и солдатъ, — съ другой. Въ нихъ помѣщалось весьма много предметовъ, не относящихся къ военному состоянію, они писались многорѣчиво, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и рѣдко содержали что-либо относительно преступленій частей, или наказаній офицеровъ за преступленіе. Шведскіе военные артикулы хотя и растянуты (что было вполне свойственно тому времени), однакожь замѣтно превосходятъ всѣ прочіе современные имъ законы краткостью, взаимною связью и цѣлесообразностью изложенія: въ нихъ законодатель имѣетъ въ виду исключительно военное состояніе, мысль свою высказываетъ языкомъ закона и притомъ отличаетъ офицеровъ отъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Нерѣдко, указавъ наказаніе за преступленіе рядовому, статья присовокупляетъ, что именно нужно дѣлать офицеру, чтобы прекратить этого рода преступленія у солдатъ, и какимъ наказаніямъ подвергается офицеръ, если онъ не исполнитъ этой обязанности.

Наказанія въ шведскихъ военныхъ артикулахъ хотя были жестоки, по духу того времени, но въ наложеніи ихъ законодатель обнаруживаетъ вездѣ правосудіе, безпристрастіе и даже мягкость.

Къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ отнесены: 1) *смертная казнь*; 2) *отсѣченіе руки съ изнаніемъ изъ лагеря*; 3) *позорное лишеніе чести и позорная ссылка* и 4) *конфискація имущества*.

Менѣе тяжкими наказаніями были: 5) *сажаніе на деревянную лошадь*; 6) *заключеніе въ тюрьму*; 7) *закованіе въ желѣза съ содержаніемъ на хлѣбъ и водъ*; 8) *прогнаніе сквозь строй*

путьями (Gassenlaufen); 9) *денежный штрафъ и вычеты изъ жалованья*, поступавшіе на содержаніе госпиталей.

Смертная казнь была трехъ видовъ: *разстрѣліе и повѣшеніе* примѣнялись къ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, *отсѣченіе головы*—къ офицерамъ. За преступленія цѣлыхъ частей установлена *децимація*, наказаніе, вѣроятно, заимствованное изъ римскаго права — *roenae iniversales*. Наказывался смертью десятый по жребію; всѣ прочіе, впредь до исправленія, лишались знаменъ, должны были заниматься чисткою лагеря и помѣщались въ квартирнаго расположенія войскъ. Отсѣченіе руки примѣнялось въ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ: когда подчиненный поднималъ руку на своего начальника, или въ присутствіи его поднималъ мечъ съ преступнымъ намѣреніемъ. Фрицціусъ сомнѣвается, чтобы это наказаніе примѣнялось у Густава-Адольфа.

Установленіемъ наказаній за содѣянные преступленія Густавъ-Адольфъ опередилъ всѣ бывшіе до него нѣмецкіе военные законы, въ которыхъ, какъ уже замѣчено, говорилось только о *разрѣшеніи* или *запрещеніи*, изрѣдка съ добавками въ общихъ выраженіяхъ — „наказать на тѣлѣ, или смертью“ (bei Leibes-oder Lebensstrafe) или наказать, какъ за „клятвопреступленіе“ (bei Strafe des Meineids). *Сажаніемъ на деревянную лошадь* наказывались бѣльшею частью опаздывавшіе на дежурство или на тревогу. Цѣль этого наказанія — вызвать насмѣшки товарищей. *Заковывались въ желѣза съ содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ*—оскорбившіе хозяина или хозяйку квартиры, или за неоднократное уклоненіе отъ присутствія на богослуженіи, т.-е. за преступленіе противъ чистоты нравовъ и благочинія. *Наказаніе палками воспрещалось*. Впрочемъ, погонщикамъ обозовъ (обозные слуги—Trossknechte) дозволялось изгонять изъ лагеря палками солдатъ за *воровство, грабежъ* и т. п. преступленія; но, послѣ такого постыднаго наказанія, солдатъ, какъ обезчещенный, не могъ уже оставаться въ полку. Съ этимъ наказаніемъ не нужно смѣшивать

наказанія товарищами, а именно — розгами сквозь строй, замѣнявшаго казнъ копьями; оно примѣнялось, какъ и отеческое наказаніе розгами, за преступленія противъ общественнаго порядка, за порчу своего оружія, за мелкую кражу и т. п. (арт. 35, 72, 75, 80, 93 въ „Königl. Schwedischer Kriegs-Artickuls-Brieff“, изд. Петра Люція).

„Весьма цѣлесообразно, говоритъ Фрицціусъ, что Густавъ-Адольфъ въ военныхъ артикулахъ не устанавливаетъ мѣры, количества и продолжительности наказаній, какъ это принято дѣлать въ позднѣйшихъ военно-уголовныхъ законахъ, но ограничивается лишь *опредѣленіемъ наказаній соответственно преступленіямъ*. Подробной классификаціею наказаній позднѣйшіе военные законы безъ сомнѣнія имѣли въ виду ограничить произволъ судей и доставить судебнымъ приговорамъ большую правомѣрность и твердость. Но случаи въ военныхъ судахъ до такой степени разнообразны, что за одно и то же преступленіе при наличности однихъ обстоятельствъ можно ограничиться заключеніемъ, а при другихъ — необходимо подвергнуть преступника смертной казни“. Далѣе онъ говоритъ, что военные законы не могутъ ограничивать примѣненія наказаній тѣсными рамками, такъ какъ, по существу военного быта, они должны сообразоваться съ исключительными свойствами войсковыхъ отношеній. „Установленіе мѣры наказаній поэтому не приноситъ пользы и часто бываетъ вреднымъ“ ⁵⁾.

Это мнѣніе германскаго военнаго юриста можно оспаривать; хотя, съ другой стороны, нельзя съ нимъ не согласиться, что мелочная регламентація закона нерѣдко ставитъ судей въ затрудненіе, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ могутъ быть совершаемы уголовныя преступленія, въ войскахъ безконечно разнообразны. Въ военной исторіи много примѣровъ, вы-

⁵⁾ Frisicius, 102.

зываютъ необходимость наказаній смертию за такія преступленія, за которыя при другихъ условіяхъ налагается исправительное наказаніе.

Съ содержаніемъ шведскихъ артикуловъ мы будемъ имѣть случай ознакомить читателей при изложеніи содержанія военныхъ артикуловъ Петра Великаго, въ сравнительномъ обзорѣ.

2. *Уставъ о генеральномъ и верхнемъ судахъ* (Die General-und Obergerichts Ordnung). Законы, въ этотъ уставъ вошедшіе, заимствованы частью изъ нѣмецкаго кавалерійскаго и рыцарскаго уставовъ, частью же изъ артикуловъ для ландтскнехтовъ, и пополнены собственнымъ воззрѣніемъ Густава-Адольфа. Основное положеніе устройства судовъ было старо-германское; участь виновнаго должны рѣшать равные по званію и состоянію его товарищи. „Густавъ-Адольфъ“, говоритъ военный юристъ, „былъ убѣжденъ, что устройствомъ суда на этихъ началахъ обезпечивается вѣрнѣйшимъ образомъ истина и правосудіе, возбуждается духъ сотоварищества, усиливается законность, укрѣпляется духъ чести и поддерживается дисциплина“. Кромѣ того, сознаніе въ возможности *каждаго быть судьей* поселяетъ довѣріе къ самому суду.

Суды раздѣлялись на *нижніе* — полковые и *верхніе*; полковые суды были *пѣхотные* и *кавалерійскіе*. Предсѣдателемъ полковаго суда былъ полковникъ, или же заступающій его мѣсто — подполковникъ; членовъ было 12. Они избирались изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ пѣхотномъ полку было 6 классовъ чиновъ; слѣдовательно въ члены избиралось по *два человека отъ каждой чина* (2 капитана, 2 поручика, 2 фендриха, 2 сержанта, 2 фурьера и 2 вожатыхъ); въ кавалерійскомъ же полку, гдѣ было 4 класса чиновъ, избиралось по 3 *отъ каждого класса* (3 ротмистра, 3 поручика, 3 фендриха, 3 капрала). Въ обоихъ случаяхъ съ предсѣдателемъ должно быть 13 человекъ.

„Въ верхнемъ судѣ“, гласитъ уставъ, „мы назначаемъ

предсѣдателемъ фельдмаршала, или на его мѣсто генераль-аудитора, которые сами избираютъ членами: кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковниковъ, равно какъ подполковниковъ, маіоровъ или оберъ-вахтмейстеровъ, ротмистровъ, капитановъ и поручиковъ, чтобы съ предсѣдателемъ было не менѣе 13 человекъ“. Генераль-аудитору, какъ лицу заступавшему мѣсто фельдмаршала, была предоставлена значительная власть, онъ пользовался большимъ военнымъ значеніемъ и ему обязаны были военные чины повиновеніемъ.

Въ уставѣ о судахъ опредѣлены: составъ военныхъ судовъ, подсудность, предѣлы власти и обязанности должностныхъ лицъ въ судахъ; но не изслѣдовано, какимъ порядкомъ происходило самое судопроизводство. По мнѣнію д-ра Фрицциуса, шведскіе военные суды держались *обвинительнаго* начала (старогерманскаго процесса); порядокъ судопроизводства не вошелъ въ военное законодательство Густава-Адольфа, такъ какъ онъ предполагается общеизвѣстнымъ руководителямъ процесса.

Военный совѣтъ и генеральный военный судъ имѣли различное назначеніе, хотя состояли повидимому изъ однихъ и тѣхъ-же членовъ ⁶⁾). Предсѣдателемъ, какъ полагаетъ Фрицциусъ, былъ государственный маршалъ

⁶⁾ Въ самомъ началѣ главы I слѣдующій заголовокъ: „Von der Assessoren Präminenz und Ordnung der Session, so beides im Kriegsrath und im Kriegerrecht zu observiren“, т.-е. какой наблюдать порядокъ старшинства ассессорамъ въ засѣданіи какъ военнаго совѣта, такъ и военнаго суда. Затѣмъ въ ст. 1-й указаны мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: предсѣдатель, фельдмаршалъ, генераль-вахтмейстеръ, генераль надъ артиллеріей, генераль надъ кавалеріей, генераль квартирмейстеръ и командиры полковъ по слѣдующему порядку старшинства: Гофъ-Регимента, Упландскаго, Вестъ-Готляндскаго, Смоландскаго, Остерготляндскаго, Нордляндскаго, Финляндскаго, Карленскаго и т. д. Потомъ слѣдовали командиры полковъ чужеземныхъ и солдатскихъ (т.-е. служившихъ по найму, Sold). Königl. Schwedische Obergerichts Ordnung; карман. изданіе Петра Люція 1643 г., стр. 54. Сравни Фрицциуса, 117.

Аксель Оксенштиерна, который сопровождалъ короля почти во всѣхъ походахъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ былъ предсѣдателемъ постоянного военного совѣта въ Швеціи, въ мирное время.

Генеральный военный судъ назначался въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ установленій въ шведской арміи, подобнаго которому въ другихъ войскахъ не имѣлось. Этотъ военный совѣтъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и генеральнымъ военнымъ судомъ, нужно отличать отъ высшей военной коллегіи (Ober Kriegskollegium), какъ высшаго военного *правительственнаго* учрежденія въ Швеціи; въ этой высшей коллегіи были: предсѣдатель—государственный маршалъ, два совѣтника и четыре ассессора, — изъ опытныхъ военныхъ людей. Военная оберъ-коллегія была почти тѣмъ-же, чѣмъ былъ гофъ-кригс-ратъ, уже давно существовавшій въ Австріи.

Въ генеральномъ судѣ были *постоянные и опредѣленные чины*, а именно наличные генералы и полковники; въ верхній-же судъ назначались каждый разъ *новые судьи*, т.-е. на каждый *отдѣльный случай*, состоящіе изъ офицеровъ не выше полковника. Генеральный судъ былъ высшею судебною инстанціею въ арміи и разбиралъ между прочимъ, дѣла о дуэляхъ и щекотливые вопросы по военнымъ начетамъ. Апелляціи на приговоръ верхняго и полковыхъ судовъ по уголовнымъ преступленіямъ не было; въ генеральномъ-же судѣ, какъ вышемъ военно-судебномъ учрежденіи, могли быть случаи, требовавшіе пересмотра и исправленія ошибокъ въ приговорахъ низшихъ судовъ. Эту необходимость ясно сознавалъ Густавъ-Адольтъ, что видно изъ послѣдующихъ постановленій и достаточно объясняется существомъ оправдательныхъ приговоровъ.

Густавъ-Адольтъ много заботился о мѣрахъ для прекращенія дуэлей, которыя въ его время были очень распространены между офицерами, особенно въ войскахъ его германскихъ союзниковъ. Онъ установилъ

смертную казнь за совершившуюся дуэль, разжалованье участников-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, если по изслѣдованію обнаруживалось, что передатчикъ вызова на дуэль и секунданты не содѣйствовали примиренію противниковъ. Манія къ дуэлямъ была распространена до крайности въ войскахъ германскихъ и имперскихъ, равно какъ и во французскихъ; поэтому во многихъ временныхъ военныхъ артикулахъ дѣлались болѣе или менѣе внушительныя угрозы за это преступленіе, не устранявшія, повидимому, непрерывныхъ столкновеній изъ-за щекотливыхъ вопросовъ чести, значеніе которой каждый понимаетъ по своему. Впослѣдствіи (какъ увидимъ) Людовикъ XIV издалъ въ 1679 г. одинъ изъ наиболѣе грозныхъ регламентовъ противъ дуэлей, которымъ за участіе въ этомъ преступленіи полагается смертная казнь, соединенная съ конфискаціею всего имущества виновныхъ.

Установивъ за дуэли смертную казнь, Густавъ-Адольфъ тѣмъ не менѣе признавалъ нужнымъ разборъ дуэлей, бывшихъ при особо уважительныхъ обстоятельствахъ, предоставить „генеральному военному суду“, состоявшему изъ опытныхъ и высокопоставленныхъ военныхъ людей, которымъ хорошо были извѣстны отношенія, потребности и положеніе арміи, и которые болѣе всего обязаны были заботиться о поддержаніи въ ней порядка и долга чести. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о чести не поддается точному опредѣленію: въ разныя эпохи, при различныхъ отношеніяхъ, люди разныхъ націй на честь смотрятъ не одинаково и не одинаково о ней судятъ люди одного и того же класса, состоянія. Поэтому предоставленіе рѣшать такой щекотливый вопросъ суду, состоящему изъ людей, поставленныхъ во главѣ арміи (какими и были члены генеральнаго военного суда), обнаруживаетъ въ Густавъ-Адольфѣ большое уваженіе къ достоинству человѣческой личности. Рѣшеніе *такимъ судомъ* вопроса о чести становилось для всей арміи какъ бы нормою для дѣйствій

въ товарищескихъ отношеніяхъ какъ офицеровъ между собою, такъ и нижнихъ чиновъ.

Такъ какъ высшіе чины арміи были *постоянными* судьями генеральнаго суда, то онъ былъ высшимъ установленіемъ и для рѣшенія нерѣдко возникавшихъ щекотливыхъ недоразумѣній или жалобъ на высшихъ начальниковъ по части денежной и вообще хозяйственной ⁷⁾).

Въ верхнемъ судѣ въ распоряженіи фельдмаршала или генераль-аудитора состояли „присяжные“ секретарь и судебный приставъ (Gerichtswebel); въ полковомъ же судѣ находились полковой шультгейсъ (или полковой судный старшина), судный писарь и судебный приставъ. Шультгейсъ въ нижнемъ судѣ имѣлъ такое же значеніе, какимъ въ верхнемъ судѣ былъ генераль-аудиторъ, т.-е. онъ собственнно и былъ предсѣдателемъ полковаго суда ⁸⁾).

Компетенція верхняго и полковаго судовъ опредѣлялась *родомъ преступленія*, а не тяжестью и продолжительностью наказанія. Рѣшенію верхняго военнаго суда подлежали слѣдующія дѣла:

Подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала: 1) оскорбленіе Величества; 2) измѣна; 3) неповиновеніе и оскорбленіе чести высшаго начальника (Generaloffiziere); 4) обвиненія и жалобы на высшихъ офицеровъ и на шведскихъ офицеровъ изъ дворянъ.

7) Въ мирное время коменданты крѣпостей и командиры полковъ представляли отчетность о расходѣ денегъ ежегодно въ военный совѣтъ, которымъ была собственно „высшая военная коллегія“—Ober Kriegs Collegium; она пользовалась, по отношенію войскъ въ мирное время, тѣмъ же правомъ суда, какимъ во Франціи, по гражданскимъ учрежденіямъ, пользовался le cour du compte. Friccus, стр. 121 и 219.

8) Согласно старогерманскому военному процессу, шультгейсъ былъ въ чинѣ капитана и, по мнѣнію Фрицціуса, вѣроятно, назначался изъ офицеровъ *шведскихъ войскъ*; онъ носилъ жезлъ. Судные писаря были „присяжными“ и состояли на постоянной службѣ, черезъ что приобрѣтали опытность для исполненія своей обязанности въ военныхъ процессахъ.

Подъ предсѣдательствомъ генераль-аудитора: 5) преступленія и проступки (Missethaten, Verbrechen und Vergehungen) цѣлыхъ полковъ и частей полковъ, или же опороченіе знамени; 6) всѣ столкновенія между офицерами и солдатами, въ тѣхъ случаяхъ, если разбирательство подобныхъ дѣлъ въ полковомъ судѣ прямо или косвенно, по свойству самаго дѣла, признано будетъ неудобнымъ ⁹⁾).

Всѣ прочія уголовныя дѣла принадлежали компетенціи полковаго суда. *Апелляціи* на сей послѣдній поступали въ верхній судъ только по дѣламъ гражданскимъ и вообще по спорамъ и искамъ. Слѣдовательно для *дѣлъ гражданскихъ существовали двѣ инстанціи*. Но приговоръ нижнихъ судовъ по *дѣламъ уголовнымъ* поступалъ на конфирмацію короля, а въ его отсутствіе изъ арміи— на конфирмацію фельдмаршала: „хотя въ дѣлахъ уголовныхъ (in criminal- und reinlichen Sachen) апелляцій не допускается, однако, приговоры нижнихъ судовъ, прежде исполненія, представляются фельдмаршалу, а равно и самому королю, если онъ находится при арміи. Только по конфирмаціи послѣднихъ приговоръ приводится въ исполненіе“ ¹⁰⁾).

О представленіи на утвержденіе приговоровъ верхняго суда въ законахъ не упоминалось, и, вѣроятно, потому, что въ верхнемъ судѣ предсѣдательствовалъ или засѣдалъ самъ генераль-аудиторъ, и что поэтому

⁹⁾ «An der Sache directe vel indirecte interessirt oder aus andern Ursachen verdächtig zu halten. Kön. Schw. G. O. ст. 8, стр. 59. Сравни Friccius, 123.

¹⁰⁾ «Изъ этого начала, заключаетъ Фрицціусъ, возникъ въ послѣдствіи порядокъ утвержденія приговоровъ (Bestätigungsrecht); но это имѣетъ уже совершенно другое значеніе, какъ будетъ подробнѣе изложено ниже». Friccius, 123. Въ ст. 11-й сказано: «Und ob wol in criminal oder peinlichen Sachen keine Appelation zu verstatten noch zu annehmen, so sollen die im Untergerichte gesprochene Urtheil alleweg vor der Execution unsern Feldmarschals praesentirt und seines Befehls darauf erwartet werden». Kön. Schw. G. O., стр. 60.

относительно правильности дѣлъ въ этомъ судѣ не предполагалось сомнѣній.

Въ верхнемъ и нижнемъ судахъ обвинителями были: въ первомъ *генераль-гевальтигеръ*, а во второмъ — *полковой гевальтигеръ* (онъ же полковой профосъ). Они были обязаны возбуждать преслѣдованіе противъ замѣченныхъ въ нарушеніи военныхъ артикуловъ. Но гевальтигерамъ не назначалось *докладчиковъ*, какъ то было въ старогерманскомъ процессѣ (напр. у ландтскнехтовъ); они сами были официальными обвинителями и потому должны были имѣть *соотвѣтственное юридическое образованіе* и занимали высокое положеніе въ войскахъ. Это и видно изъ рода возложенныхъ на гевальтигеровъ обязанностей въ шведской арміи, вслѣдствіе чего генераль-гевальтигеръ избирался всегда изъ штабъ-офицеровъ. Въ полкахъ же имперскихъ профосы были опытные и заслуженные унтеръ-офицеры и въ офицерскій чинъ не производились.

Изъ 12 и 13 статей, гл. II, видно, что въ нижнемъ и верхнемъ судахъ обвинителемъ могъ быть *аудиторъ*. Должностью генераль-гевальтигера (Gevalth — власть) Густавъ-Адольфъ замѣнилъ оберъ-профоса въ имперскихъ войскахъ Карла V.

Приговоры приводили въ исполненіе генераль-гевальтигеры и полковые профосы (если на приговоры не было апелляцій)¹¹⁾.

Денежныя взысканія (*денежная пеня и денежный штрафъ*), налагаемые на виновныхъ по военнымъ артикуламъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: одна треть шла на короля (а имъ уступалась на госпитали

¹¹⁾ Такъ какъ въ ст. 11 прямо сказано, что по дѣламъ уголовнымъ апелляціи не допускаются, поэтому д-ръ Фрицциусъ предполагаетъ, что подъ помѣщенными въ ст. 13-й словами: *wenn davon nicht zu appelliren*, нужно понимать чрезвычайные случаи, требовавшіе разрѣшенія генеральнаго военнаго суда, стр. 124. По уставу, гл. IV, стр. 70 карм. изданіе Петра Люція профосы были въ пѣхотѣ и кавалеріи: *Regiments Profoss, Fahnen Profoss*.

и больных), другая—обвинителю и третья—ротмистру или капитану, когда обвинялся солдатъ, и полковнику—когда обвинялся офицеръ. Въ нѣмецкихъ войскахъ денежные штрафы были замѣняемы *тѣлесными наказаніями*, въ виду недостаточности солдатъ, принадлежавшихъ къ бѣднѣйшимъ классамъ народа. Въ католическихъ войскахъ (Франція, Австрія), слѣдую обычаю инквизиціи, *конфискованное* имущество дѣлилось тоже на три части, изъ коихъ одна часть шла на юстицію.

Протоколъ приговора подписывался предсѣдателемъ суда и секретаремъ. Хотя относительно ревизіи приговоровъ не установлено опредѣленныхъ правилъ, но изъ ст. 15 видно, что въ извѣстныхъ случаяхъ приговоры, прежде исполненія, доводились до свѣдѣнія короля, а за его отсутствіемъ — фельдмаршала. Слѣдовательно допускалась возможность измѣненія приговора.

3. *Обязанности, права и назначеніе генераль-аудитора* ¹²⁾. Какія еще должности входили въ составъ главнаго штаба шведской арміи, кромѣ генераль-аудитора,—въ дошедшихъ до насъ памятникахъ законодательства Густава-Адоल्фа не указано. Однако изъ заголовка главы о главномъ штабѣ видно, что генераль-аудиторъ былъ первымъ лицомъ въ этомъ штабѣ. Кругъ его обязанностей былъ весьма обширенъ; но онъ не касался военныхъ операцій, для которыхъ существовалъ начальникъ квартирмейстерской части. Генераль-аудиторъ имѣлъ свой особый штабъ и въ *дѣлахъ правосудія и по надзору за общимъ порядкомъ въ войскахъ* былъ первымъ лицомъ послѣ фельдмаршала. Такой должности съ весьма широкими полномочіями не встрѣчалось ни въ одной арміи ни тогда, ни впослѣдствіи, пока не установилась должность начальника штаба въ арміяхъ.

¹²⁾ Глава III: Vom Generalstabe, und Erstlichen von des Generaln Auditorn Ampt und Bestallung. Карманное изд. Петра Люція, стр. 63 и слѣд. Оберъ шультгейсъ—или высшій судный старшина, бывшій въ имперскихъ войскахъ, названъ въ шведской арміи генераль-аудиторомъ. См. цитату 18-ю.

Сущность должности генераль-аудитора была слѣдующая: по ст. 1-й „именемъ короля онъ долженъ имѣть попеченіе, чтобы право и правосудіе въ арміи дѣйствовали, опираясь на законы божественные, военные артикулы и сюда относящіеся обнародованныя повелѣнія; какъ намѣстникъ фельдмаршала (als des Feldmarschals Stathalter), генераль-аудиторъ завѣдываетъ правосудіемъ, и потому онъ имѣетъ право *de facto*, помимо воли командировъ полка, привлекать къ отвѣтственности солдатъ за противозаконные поступки“.

Изъ такого общаго начала складывался слѣдующій кругъ дѣятельности генераль-аудитора шведской арміи: по ст. 2: онъ отдавалъ повелѣнія полковникамъ о преслѣдованіи судомъ виновныхъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, принималъ отъ генераль-гевальтигера доклады и жалобы на несправедливые приговоры низшихъ судовъ и собственною властью переносилъ дѣла на пересмотръ въ верхній или генеральный военный судъ; по ст. 3: завѣщанія, обязательства и договоры, подписанные генераль-аудиторомъ, считались законными, дѣйствительными; по ст. 4: онъ наблюдалъ, чтобы наказанія приводились въ исполненіе согласно приговорамъ, а въ случаѣ отступленій отъ конфирмаціи доносилъ фельдмаршалу; по ст. 5: онъ разбиралъ споры между командирами полковъ и состоящими при войскахъ торговыми людьми, могъ передавать въ свой штабъ эти дѣла; по ст. 6: онъ направлялъ дѣйствія верхняго и генеральнаго военныхъ судовъ сообразно съ требованіями законовъ, имѣлъ въ непосредственномъ вѣдѣніи лица, входившія въ составъ судовъ, и пользовался властью налагать опредѣленные денежные взысканія на судей верхняго и нижняго судовъ за преступленія ихъ по должности; по ст. 7: онъ принималъ отъ генераль-гевальтигера доклады и жалобы на всякаго рода безпорядки, и безъ его разрѣшенія не могли быть освобождаемы арестованные и заключенные; по ст. 8—14: подъ вѣдѣніемъ генераль-аудитора состояли: гене-

ралъ-гевальтигеръ, румормейстеръ и фискалъ, которые должны были ежедневно къ нему являться и получать отъ него приказанія о плѣнныхъ, о находящихся при арміи подозрительныхъ лицахъ, о состояніи гарнизоновъ и квартиръ, о запасахъ продовольственныхъ и оцѣнахъ, по которымъ маркитанты продавали жизненные припасы; вообще генераль-аудиторъ своею предусмотрительностью долженъ былъ отклонять и предупреждать *всякаго рода безпорядки и насилія* и въ случаѣ надобности докладывать фельдмаршалу.

Всѣ высшіе и низшіе начальники (сказано въ заключеніе гл. III) обязаны были оказывать содѣйствіе генераль-аудитору въ его тяжелыхъ обязанностяхъ и ни малѣйшимъ образомъ не оскорблять ни его, ни подчиненныхъ ему лицъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія и даже смертной казни.

Такимъ образомъ генераль-аудиторъ шведскихъ войскъ соединялъ въ своей должности: 1) высшій надзоръ за судомъ и полиціей въ арміи; 2) наблюденіе за дѣйствіями всѣхъ судебныхъ и полицейскихъ учреждений; 3) непосредственное завѣдываніе лицами, входящими въ составъ военныхъ судовъ (шудьтгейсы, судебные пристава) и 4) вообще обязанъ былъ всѣми средствами предупреждать въ арміи злоупотребленія, возникавшія не отъ причинъ чисто военного свойства, но отъ всякаго рода злоупотребленій, которыя дозволяли себѣ военные люди.

Весьма естественно, что при такихъ полномочіяхъ должность генераль-аудитора была самостоятельною и независимою; только король, а въ его отсутствіе фельдмаршалъ могли отдавать приказанія генераль-аудитору, и только имъ онъ подчинялся.

Что же касается до *генераль-гевальтигера* (или оберъ-профоса) и *полковыхъ профосовъ*, а равно—*генераль-вагенмейстера* (или генерала надъ обозомъ) и *полковыхъ вагенмейстеровъ* и *румормейстера*, то изъ содержанія IV, V и VI главъ видно, что должности этихъ лицъ были

чисто полицейскія и состояли въ наблюденіи за порядкомъ въ войскахъ на походѣ, на квартирахъ, въ лагеряхъ. Относительно генераль-гевальтигера и полковыхъ профосовъ можно лишь замѣтить, что лица эти сами собою, безъ разрѣшенія генераль-аудитора, не имѣли права налагать взысканій, и вообще вся полицейская ихъ дѣятельность подчинялась контролю юстиціи.

Изъ приведеннаго содержанія военныхъ законовъ Густава-Адольфа, сколько можно судить по памятникамъ военного права и по книгѣ Фрицціуса, нельзя не замѣтить того высокаго значенія, какое придавалъ этотъ полководецъ правовымъ началамъ въ войскахъ, что имъ выражено съ такою заботливостью въ военныхъ артикулахъ, въ уложеніи о судахъ, въ должностяхъ: генераль-аудитора и генераль-гевальтигера. Военное право Густава-Адольфа обращаетъ на себя тѣмъ болѣе наше вниманіе, что съ *формальной стороны* оно служило матеріаломъ для нашего и другихъ европейскихъ военныхъ законодательствъ, а по своимъ принципамъ не только опередило всѣ законодательства современной ему Европы, но и до сихъ поръ достойно изученія.

Правда, съ того времени многое измѣнилось. Арміи теперь несравненно болѣе многочисленны, онѣ занимаютъ значительное пространство на театрѣ военныхъ дѣйствій, двигаются большими колоннами, снабженіе ихъ продовольственными и боевыми припасами требуетъ особенныхъ заботъ и попеченія, сроки службы непродолжительны и войны оканчиваются относительно въ короткое время, не рѣдко послѣ двухъ, трехъ рѣшительныхъ сраженій; поэтому, многія учрежденія Густава-Адольфа теперь не могутъ быть примѣняемы. Но духъ его законовъ и основныя начала его учреждений, какъ необходимыхъ органовъ для управленія и суда въ арміи, всегда останутся достойными вниманія. Чтобы оцѣнить это, достаточно вникнуть въ высокое, независимое и самостоятельное положеніе *правосудія* въ

войскахъ Густава-Адольфа, въ развитіе при арміи полицейскихъ учреждений и въ установленіе правильныхъ отношеній между полицейскими и судебными органами въ войскахъ. Дѣйствительно, эти начала, столь рѣдкія въ прежнихъ малочисленныхъ арміяхъ, когда цивилизація народовъ стояла еще на низкой степени, едва-ли могутъ быть оставляемы безъ должнаго развитія въ нынѣ дѣйствующихъ *громадныхъ* арміяхъ, въ которыхъ дисциплина и внутренній порядокъ только и могутъ быть поддержаны военнымъ правосудіемъ, когда, притомъ, изгнаны изъ употребленія, и еще такъ недавно, унижительныя, оскорбляющія достоинство солдата, наказанія.

Къ характеристикѣ военного права Густава-Адольфа мы считаемъ полезнымъ присовокупить разсужденіе германскаго военного юриста объ отношеніи между военной полиціей и юстиціей въ арміи.

„Полиція“, говоритъ Фрицціусъ, „должна быть постоянно бдительною, готовою поддерживать порядокъ, быстро пресѣкать безпорядокъ, вывѣдывать обстоятельства дѣла и подвергать виновныхъ аресту и задержанію. Поэтому должностныя лица въ военной полиціи должны пользоваться значительною властью и неприкосновенностью; но военной полиціи не должна принадлежать *самопроизвольная власть* наказывать виновныхъ, и всѣ дѣйствія полицейскихъ чиновъ въ арміи должны подчиняться контролю, руководству и сужденію органовъ правосудія. Только при такомъ условіи правосудіе въ войскахъ въ состояніи будетъ исполнить свое назначеніе и пріобрѣсти довѣріе“ ¹³⁾. Эта замѣтка, какъ выводъ изъ военнаго законодательства знаменитаго шведскаго короля-полководца, заслуживаетъ вниманія не однихъ только юристовъ.

Военное законодательство Густава-Адольфа оставило за собою далеко назади всѣ бывшіе до него военные

¹³⁾ Frizzius, стр. 130, 131.

законы, имѣвшіе въ виду лишь *временныя потребности, субъективныя воззрѣнія* и развивавшіе какія-либо частныя стороны, въ непосредственной зависимости отъ данныхъ случаевъ. Безъ сомнѣнія и въ отдаленныя времена существовали въ войскахъ: военные суды, особыя наказанія за военные преступленія, особыя творившія судъ лица, но до Густава-Адольфа не было ни одного памятника, въ которомъ были бы разработаны съ такою опредѣленностью и законченностью собственно правовыя начала въ войскахъ, съ какою они очерчены въ шведскихъ законахъ для войскъ постоянныхъ, составляющихъ кровь и плоть государственнаго организма. И въ этомъ отношеніи военное право Густава-Адольфа было первымъ по времени памятникомъ. Его военные артикулы имѣютъ въ виду лишь *военное состояніе людей*, не различаютъ одного рода войскъ отъ другаго; сословнаго суда (рыцарскаго) нѣтъ, но есть судъ офицеровъ, а офицеры тѣ же солдаты. Законодатель ставитъ рамку, за которую не долженъ идти вооруженный человѣкъ; военные люди знаютъ не только то, что запрещено закономъ, но и то, какая кара можетъ постигнуть каждаго за совершенное имъ правонарушеніе; знаютъ также, что надъ ними господствуетъ не произволъ начальника, а законъ, наблюденіе за исполненіемъ и примѣненіемъ котораго ввѣрено органамъ суда, устроеннымъ на твердыхъ основаніяхъ.

Суды равныхъ, суды товарищей, существовали и прежде; но прежде каждая *особая часть*, каждая, такъ сказать, *корпорация*, судилась по своимъ *особымъ правамъ*; общаго контроля, общей связи, *системы* въ направленіи правосудія — не было. Каждый высшій начальникъ устраивалъ это дѣло по своему усмотрѣнію и вносилъ въ дѣло суда свое личное, пристрастное воззрѣніе; военные элементы были смѣшаны съ гражданскими и даже духовными, все общественное обращалось въ войско лишь на данный случай, на примѣръ,

для истребленія какого-либо сосѣда Имперскіе военныя суды ландскнехтовъ и рыцарей не имѣли между собою связи и надъ ними господствовала единоличная полицейская власть полевого генераль-профоса арміи, съ его грозными полицейскими агентами. Это были еще зачатки будущихъ шведскихъ судовъ: полкового, верхняго и генеральнаго. Густавъ-Адольфъ, подчинивъ военныя суды должности генераль-аудитора, создалъ блюстителя и хранителя этого права въ войскахъ. Эта должность господствуетъ надъ единоличною властью профоса и проникаетъ во всѣхъ направленіяхъ въ части арміи, въ которыхъ полководецъ желалъ утвердить дисциплину на почитаніи закона, одинаковаго для всѣхъ военныхъ людей, давшихъ присягу военному знамени. Онъ оставилъ за собою лишь право помилованія и провѣрку дѣйствій судебныхъ лицъ, съ цѣлью надзирать, не нарушается-ли ими то высшее начало, во имя котораго приговоръ долженъ покарать виновнаго смертію, или спасти ему жизнь и честь.

При такихъ условіяхъ военное право могло войти въ непосредственную связь съ правомъ общечеловѣческимъ, а слѣдовательно не быть въ противорѣчій и съ божескимъ правомъ (*jus divinum*); оно стало стремиться: помирить вѣчный законъ правды съ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ зломъ, вѣчно существовавшимъ между людьми и никогда не умирающимъ, при всѣхъ положеніяхъ человѣческаго общества.

Извѣстно, чѣмъ были войны до учрежденія постоянныхъ армій, и какъ рѣзко измѣнился ихъ характеръ впослѣдствіи, когда только установлены были точно опредѣленные для войскъ постановленія не въ одно мирное время, но даже и при самомъ возбужденномъ состояніи человѣческихъ страстей.... Войны прежнихъ временъ, отъ насъ отдаленныхъ, были варварскимъ самоистребленіемъ. *Право войны* обращало въ ничто все человѣческое и божественное, разрушало все священное тамъ, куда побѣдитель вносилъ свое оружіе.

Да, это было право сильнѣйшаго, но оно не было *военнымъ правомъ*, надъ которымъ господствуетъ не воля побѣдителя, не прихоть сильнѣйшаго, а воля общечеловѣческой мудрости, законъ *правды*, указывающій предѣлы, далѣе которыхъ идти одному человѣку, десяткамъ, сотнямъ и многимъ тысячамъ вооруженныхъ людей будетъ преступно для солдата, для начальника, для полководца. Стоитъ сравнить образъ дѣйствія двухъ лучшихъ полководцевъ тридцатилѣтней войны: Густава-Адольфа и Валленштейна, — чтобы видѣть ту пропасть, какая существовала между взглядомъ на военное право римскаго императора, послѣдователя и поклонника іезуитовъ, и шведскаго короля — ревностнаго протестанта.

Густавъ-Адольфъ въ собственноручно написанномъ военномъ кодексѣ, который онъ постоянно исправлялъ во время походовъ, разрѣшилъ практически тѣ существенные вопросы по военному праву, о которыхъ составитель сборника нѣмецкаго военного права въ имперіи Карла V, Леонгардъ *Фроншпергеръ* говорилъ неопредѣленно въ своихъ предисловіяхъ къ каждой изъ десяти книгъ и въ метафизическихъ разсужденіяхъ о „духовномъ военномъ правосудіи“. Нѣтъ сомнѣнія, что Густавъ-Адольфъ зналъ „*Caroli V Kriegsrechte*“ 1565 г., и хорошо изучилъ военное право Максимилиана II 1570 г. Но онъ, отбросивъ духовный мистицизмъ Фроншпергера, воспользовался имперскими законами, какъ солиднымъ матеріаломъ, и въ самомъ себѣ, при содѣйствіи окружающихъ его высокопросвѣщенныхъ совѣтниковъ, разрѣшилъ многіе существенные для науки военного права вопросы. Такъ рѣшеніе дѣлъ по болѣе важнымъ уголовнымъ преступленіямъ онъ перенесъ въ верхній военный судъ, обставивъ таковой твердыми началами права и ввѣривъ процессъ въ этомъ судѣ высшему представителю правосудія въ арміи; затѣмъ онъ ясно опредѣлилъ роды преступленій военно-служащихъ, не исключая отвѣтственности офицеровъ за

всякаго рода упущенія по отношенію къ руководству подчиненныхъ имъ солдатъ; подвелъ всѣхъ военно-служащихъ, не различая родовъ оружія, подъ одну и ту же военную юрисдикцію; установилъ контроль надъ рѣшеніемъ дѣлъ. Вопреки папистамъ онъ отбросилъ многія жестокія наказанія, неразлучныя съ инквизиторскимъ судомъ, котораго протестантскій король, по свойству своего благороднаго и честнаго сердца, не могъ допустить въ горячо преданныхъ ему и страстно любившихъ его войскахъ. Сдѣлавъ существенныя улучшенія въ порядкѣ управленія войскомъ, связавъ единствомъ воли полководца всѣ части арміи и роды оружія, установивъ категоріи судовъ, введя контроль надъ правосудіемъ и сохранивъ обвинительное начало старогерманскаго процесса, Густавъ-Адольфъ положилъ твердыя основанія военному праву, которое было затемнено, правда, послѣдующими политическими событіями, но въ настоящее, болѣе безпристрастное время, должно быть признано достойнымъ вниманія военной науки.

Что касается шведскихъ военныхъ артикуловъ, то на ряду съ ними, въ нѣкоторомъ отношеніи, могутъ быть поставлены военные артикулы короля датскаго и норвежскаго Христіана IV, современника и соперника Густава-Адольфа. Эти артикулы излагаются яснымъ языкомъ, въ нихъ видно протестантское стремленіе обуздать войска отъ злоупотребленій и злодѣяній, на службѣ и внѣ ея, рядовыхъ и офицеровъ; видна система и опредѣленная классификація преступленій. Военные артикулы Густава-Адольфа написаны въ 1621 г., передъ войной его съ Польшей за Лифляндію; военные артикулы Христіана IV появились въ 1625 г., передъ вступленіемъ его въ тридцатилѣтнюю войну; тѣ и другіе имѣютъ въ виду военное состояніе людей, а не права и преимущества городскихъ и сельскихъ общинъ или рыцарей, какъ было въ имперіи. Но датскіе артикулы чаще останавливаются на общихъ преступленіяхъ и не скупаются на выраженія, подобныя

слѣдующимъ: „dieselben sollen an Ehre, Fingern und Leben den Sachen Gelegenheit und Artiquln nach gestafft werden“, что означаетъ „они должны быть наказаны, по обстоятельствамъ дѣла и артикуламъ, лишеніемъ чести, пальцевъ и жизни“. Въ артикулахъ Христіана IV замѣтно однако нѣкоторое вліяніе артикуловъ имперскихъ 1570 г. и голландскихъ 1590 г., напр., въ наложеніи позорныхъ наказаній. Не всѣ протестантскіе государи той эпохи могли обойти Каролину, которою пользовались свѣтскіе юристы, тогда уже пропитавшіеся духомъ инквизиціоннаго процесса въ имперіи и въ Германіи.

Датскій король Христіанъ IV пользовался въ то время большимъ значеніемъ въ Европѣ. Собственно въ Даніи средства короля были ограничены могуществомъ одной изъ самыхъ высокомѣрныхъ аристократій; но въ германскихъ герцогствахъ, Шлезвигъ и Голштиніи, а равно въ Норвегіи и Исландіи, Христіанъ строго поддерживалъ монархическія начала и могъ свободно производить улучшенія и преобразованія. Благодаря его учрежденіямъ, Норвегія была приведена въ цвѣтущее состояніе; кромѣ того онъ основалъ колоніи въ другихъ частяхъ свѣта и открылъ обширныя торговыя сношенія. Политическіе и религіозные безпорядки въ Германіи, казни и конфискаціи противниковъ іезуитовъ и Фердинанда II не могли не тревожить Христіана IV, тѣмъ болѣе, что успѣхи католической лиги стали угрожать его германскимъ владѣніямъ, а полчища Тилли уже безпощадно опустошали сѣверныя протестантскія епископства. Георгъ-Вильгельмъ Бранденбургскій, по своей ничтожности, не пользовался никакимъ значеніемъ у протестантовъ. Его министръ Шварценбергъ былъ подкупленъ императоромъ. Нижне-саксонскіе герцоги были слишкомъ бѣдны, а владѣнія ихъ раззорены. У протестантовъ одна надежда оставалась на Христіана IV и Густава-Адольфа. При такихъ условіяхъ Христіанъ IV въ 1625 году началъ

войну, которая несчастливо окончилась для датчанъ: 17 августа 1626 года они потерпѣли поражение при *Люттеръ* на *Баренбертъ*, послѣ котораго 80,000 чело-вѣкъ, подобно саранчѣ, подѣ командою Тилли и Валленштейна, вторгнулись въ Голштинію, а затѣмъ въ Ютландію, вынудивъ Христіана IV укрыться съ остатками арміи на датскіе острова. Помощи отъ шведовъ тогда трудно было ожидать, такъ какъ шведскій король еще не кончилъ войны въ Польской Пруссіи и Курляндіи: имперцы тогда еще не боялись его и даже высококомѣрно называли шведскія войска „канальей“. Христіанъ IV долженъ былъ уступить. По Любскому миру въ 1629 г. онъ отказался отъ участія въ дѣлахъ Германіи и слѣдовательно не могъ уже препятствовать опустошенію владѣній несчастныхъ въ ту эпоху протестантовъ.

Военные артикулы Христіана IV ¹⁴⁾, при строго-монархическихъ началахъ, отличаются любовью къ военному порядку и стремленіемъ оградить жителей отъ всякаго рода насилій и жестокостей со стороны военно-служащихъ. Поэтому въ артикулахъ датскаго короля подробно исчисляются не только военные преступленія, но и такія обще-уголовныя (напр., насилія, гра-

¹⁴⁾ Полное заглавіе датскихъ военныхъ артикуловъ: Brieff worauf uns von Gottes Gnaden Christian dem Vierten; zu Dannemarken, Norwegen, der Wenden und Gothen König ets. unsere sämtliche officier und soldaten zu Ross und Fuss sie seyn geworben, oder ausgeschriben Dänische oder andere Nationen sich unterthänigst verhalten darauf schweren und in allen Puncten sich schuldiger Gebür bezeigen sollen“. Всѣхъ артикуловъ 183.—Начинается обращеніемъ о подчиненіи военнымъ законамъ короля и полководца. Далѣе: о преступленіяхъ противъ священнаго писанія, о повиновеніи начальству, объ измѣнѣ, о побѣгахъ, о другихъ злодѣяніяхъ, о преступленіяхъ противъ службы, о преступленіяхъ часовыхъ, карауловъ и во время военныхъ дѣйствій, о преступленіяхъ на квартирахъ, походѣ и о грабежахъ, о военной добычѣ, о провіантѣ и маркитантахъ. Данъ въ 1623 году. Въ заключеніи форма присяги.—Карманное изданіе Петра Люція 1643 г.; библ. Глав. Шт., № 2776, стр. 172—242.

бежи, смертоубійства и др.), какія безнаказанно допускала дѣлать своимъ солдатамъ имперская аристократія, которая смотрѣла на выданные ей Валленштейномъ, отъ имени императора, патенты для набора рядовыхъ и офицеровъ „какъ въ наше время смотрятъ“, говоритъ въ своей Всемирной Исторіи *Шлоссеръ* (т. XIV, стр. 187), „на акціи желѣзныхъ дорогъ“. „Каждый полковникъ, съ своей стороны, раздавалъ капитанскіе патенты, капитаны офицерскіе, а императоръ ничего не вѣдалъ. Страна была предоставлена на произволъ дворянства и *авантюристовъ*, стремившихся со всѣхъ концовъ Европы“. Добавимъ къ этому замѣчанію отсутствіе въ вербовочныхъ войскахъ католической лиги состраданья не только къ побѣжденнымъ, но и къ мирнымъ жителямъ страны (о чемъ сказано нами выше), алчность къ наживѣ на ихъ счетъ, безпощадную рѣзню женщинъ и дѣтей, — и мы легко представимъ себѣ то громадное *нравственное достоинство*, которымъ отличались въ эту войну датскія войска, подчиненныя разумнымъ и толковымъ военнымъ законамъ, въ которыхъ съ первыхъ же артикуловъ говорится о наказаніи смертью за оскорбленіе женщины, за отлучку отъ части безъ разрѣшенія и многое въ этомъ же родѣ.

Христіанъ IV былъ, такимъ образомъ, предтечею Густава-Адольфа въ Германіи; но для борьбы 15,000 датчанъ противъ 80,000 католической „армады“ датскому королю не доставало генія полководца и тѣхъ практическихъ знаній, которыя обнаружены Густавомъ-Адольфомъ въ „*Gerichts-Ordnung*“ для шведскихъ войскъ, не только тактически хорошо устроенныхъ, но и снабженныхъ надлежащими органами для управленія и суда.

Слѣдовательно недостаточно дать законы: надобно дать и средства для приведенія ихъ въ исполненіе, иначе и геній полководца не въ состояніи будетъ совладать съ разнузданностью и своеволіемъ, какъ то и было у Валленштейна, Тилли и Паппенгейма, а равно

и въ войнахъ французовъ, во второй половинѣ XVII в., подъ предводительствомъ лучшихъ полководцевъ того времени, гдѣ, не взирая на жестокія казни, войска отличались распушенностью и своеволиемъ.

Что же касается до „Голландскаго военнаго права и артикуловъ — Holländisch Kriegsrecht und Artickuls brieff“, которые появились въ 1590 г. ¹⁵⁾, то здѣсь военныя цѣли вполне подчинены интересамъ свободныхъ гражданъ республики и, какъ подражаніе французскому и испанскому праву, законы эти отличаются неимоверною жестокостью и подчиненіемъ правовыхъ принциповъ другимъ началамъ.

Главное достоинство голландскихъ законовъ — краткость въ изложеніи и назначеніе наказаній за каждое преступленіе. Выраженіе „жестоко“ употребляется почти всегда послѣ словъ „наказать тѣлесно“. Угроза смертью и позорнымъ, обезчещивающимъ наказаніемъ, весьма употребительна, такъ что даже уличные воры караются смертью!...

Въ Нидерландахъ, согласно съ испанскимъ правомъ, солдаты, виновные въ совершеніи общихъ преступленій, были подсудны гражданскимъ судамъ, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ (на основаніи „устава“ герцога Альбы отъ 1570 года, для испанскихъ войскъ), что совершившіе *какое бы то ни было преступленіе на службѣ, въ лагеряхъ и на зимнихъ квартирахъ,*

¹⁵⁾ Даны соединенными Нидерландами 13 августа 1590 г. Тамъ же, стр. 242—264.—Въ арт. 1-мъ за богохульство во второй разъ прожженіе языка желѣзомъ и изгнаніе; во 2-мъ тоже самое назначено и за поношеніе священниковъ. Въ артикулѣ 3-мъ за убійство, поджогъ, грабежъ (Dieberei), уличное воровство, насилія и т. п.—смертная казнь. За измѣну и незаконныя собранія—висѣлица. Недонесшему о заговорѣ на убійство, за безпорядки — смертная казнь. И такъ далѣе въ томъ же родѣ. Всѣхъ артикуловъ 82, безъ раздѣленія на главы какъ въ шведскихъ и датскихъ военныхъ артикулахъ. Видимо вліяніе испанской инквизиціи, по сосѣдству съ испанскими Нидерландами, гдѣ Альба производилъ такіе ужасы.

подлежали компетенціи военныхъ судовъ ¹⁶⁾). Это направленіе въ голландскихъ военныхъ артикулахъ удержалось, какъ увидимъ, и при пересмотрѣ ихъ во время войны за испанское наслѣдство. Процессъ же военный руководствовался чисто инквизиціонными началами, и главнымъ двигателемъ его былъ „генералитетской фискаль“, какъ зловѣщій органъ подозрительнаго правительства Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ, подводившихъ интересы войскъ подъ узкія рамки купеческаго аршина.

Законы Густава-Адольфа, усовершенствованія въ устройствѣ войскъ и улучшенія въ способахъ веденія войны, какъ можно судить по статьѣ „Опытный полководецъ“, приложенной Петромъ Люціемъ къ военному праву Густава-Адольфа, Максимилиана II, Христіана IV и Нидерландскихъ Штатовъ, обнаруживаютъ, какіе значительные успѣхи сдѣлало военное искусство и военное право въ эпоху тридцатилѣтней войны. Послѣ Вестфальскаго мира, войны въ Германіи получаютъ болѣе гуманный характеръ; прекращаются подвиги рыцарства, утихаетъ рѣзня папистами своихъ противниковъ; Грумбахскія смуты, Варееоломеевская ночь, боины нѣмецкихъ рыцарей и рѣзня прелатовъ между собою переходятъ въ преданіе. Съ этого времени императоръ, короли, курфюрсты, какъ представители Бога на землѣ, какъ высшіе судьи въ войнѣ и мирѣ, заботливо стремятся заставить герцоговъ, князей, дворянъ, прелатовъ—уважать государственное правосудіе. Кореннымъ образомъ измѣняется взглядъ на способы комплектованія, содержанія и управленія войскъ, обращенныхъ въ постоянныя вооруженныя силы въ рукахъ *отечественнаго* правительства. Вся вторая половина XVII столѣтія отмѣчена въ исторіи стремленіемъ правительствъ къ начертанію военныхъ артикуловъ, ордон-

¹⁶⁾ Von Molitor: „Die Kriegsgerichte und militair srafen im neunzehnten jahrhundert....“ Wien, 1855, in 8°. § 11, стр. 42.

нансовъ, правилъ, инструкцій, уставовъ. *Вездѣ* устраивается особая военная юрисдикція. Все собранное въ „Corpus juris militaris novissimum“ ¹⁷⁾ свидѣтельству-
етъ о необычайной дѣятельности законовѣдовъ во всѣхъ
государствахъ Европы для составленія военныхъ арти-
куловъ, на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые воз-
никли въ полуторастолѣтній періодъ ожесточенныхъ
войнъ и величайшаго безначалія. Къ несчастію зако-
новѣды XVII вѣка могли черпать изъ Каролины и изъ
„Руководства инквизиторамъ“, напечатаннаго въ Бил-
питоліи въ 1558 году, однѣ только жестокости, и охотнѣе
предпочли инквизиторскій процессъ, съ его тайнствен-
ностью и пытками, старому обвинительному свѣдѣтельству
процессу.

Всякій нарушитель военной дисциплины, кто бы онъ
ни былъ, получаетъ возмездіе въ законахъ, столь же
безпощадныхъ, какъ безпощадно было и самое общее
уголовное право, выросшее на почвѣ суевѣрія и же-
стокости. Народы вѣрили еще въ сверхъестественную
силу вѣдьмъ и колдуновъ, потому что не находили для
себя защиты отъ людей, власть имѣющихъ. Суевѣрны
и жестоки были прелаты, воспитавшіе поколѣнія въ
ожесточенной религіозной нетерпимости и намѣренно
поддерживавшіе невѣжество въ народныхъ массахъ;
суевѣрны и жестоки были благородные рыцари, во-
дившіе въ бой густыя толпы на вербованныхъ гдѣ-ни-
будь полчищъ, ввѣряя командованіе надъ ними аван-
тюристамъ, не признававшимъ ничего святаго; суе-
вѣрны и жестоки были ученые юристы, зараженные
духомъ инквизиціоннаго процесса, считавшаго пытку,
истязаніе — спасительнымъ средствомъ для души и дѣй-
ствительною мѣрою для изобличенія виновнаго въ его
преступленіи. Іезуиты же, послѣ тридцатилѣтней войны,

17) Этотъ „новѣйшій сборникъ военныхъ правъ“ изданъ въ Лейп-
цигѣ въ 1724 г. на нѣмецкомъ языкѣ, in 4°, въ два столбца, 1,200 стр.
Экземпляръ имѣется въ бібліотекахъ: Главнаго Штаба и Публичной.

стали свивать гнѣзда у подножія протестантскихъ престоловъ и густою сѣтью покрывать земли не только Имперіи, Франціи, Испаніи, но и даже протестантской Германіи.

Протестантскіе полунезависимые курфюрсты, герцоги, князья, принявъ въ основаніе своихъ военныхъ учрежденій шведское военное право, съ его возвышеннымъ христіанскимъ духомъ, дѣлають въ немъ, по указанію юристовъ, дополненія и поправки, сообразуясь съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ народовъ и примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и политическому положенію своихъ странъ. Въ этихъ неудачныхъ поправкахъ, какъ увидимъ при подробномъ разборѣ Бранденбургскаго военнаго права, волею или неволею затушевываются самыя свѣтлыя стороны шведскаго военнаго права. Германія въ XVII столѣтіи подчинена была господству обще-имперскаго права; заставить уважать имперскіе законы съ особеннымъ усердіемъ стремился еще Максимиліанъ II, который твердо держался уголовного уложенія своего дяди, Карла V — (*Caroli V Peinliche Gerichts Ordnung*) и его же военныхъ правъ — (*Caroli V Krieigsrechte*) ¹⁸⁾. Обѣ Каролины, военная и гражданская, вѣрили въ испорченность общества. Составители обоихъ кодексовъ, — Шварценбургъ Бамбергскій и Фроншпергеръ Ульмскій, простодушно почитали высшія кары заслуженными, ниспосланными Богомъ на несчастныхъ людей за ихъ грѣхи и преступленія. Тотъ и другой видѣли безсиліе свѣтской власти для борьбы съ утопавшими въ преступленіяхъ народами; только Шварценбургъ находилъ спасеніе въ жестокихъ казняхъ, а Фроншпергеръ вѣрилъ, что на развратныхъ военныхъ людей, которыхъ не можетъ смирить никакая власть, даже власть самого императора,

¹⁸⁾ Это едва-ли не самый древній памятникъ военнаго права новыхъ времѣнъ, *in folio*, на старинномъ нѣмецкомъ языкѣ съ гравюрами, во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1565 г.

послана свыше новая величайшая кара — „дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ“, потому что пуля не отличаетъ праваго отъ виновнаго, героя отъ труса, стараго отъ малаго—*отъ нея же всѣ поибнутъ!*...

Еще до начала тридцатилѣтней войны, а именно въ 1612 году, въ общемъ судопроизводствѣ Имперіи произведена была существенная реформа. Въ этомъ году императорскимъ декретомъ предписано ввести *инквизиціонный* процессъ, который названъ *чрезвычайнымъ*—(Processus extraordinarius), для суда важнѣйшихъ уголовныхъ преступниковъ за злодѣянія (Malefiz-Sachen); прочія же преступленія подлежали старому свѣтскому *обвинительному* процессу, который названъ *обыкновеннымъ* (Processus ordinarius). Въ теченіе тридцатилѣтней войны случаи примѣненія чрезвычайнаго суда, какъ свидѣлствуетъ исторія, были весьма многочисленны; казнили и пытали десятки, даже сотни преступниковъ. Такъ далеко зашли своеволіе, разнузданность, безправіе. Не столько по „натуральной склонности людей къ удобствамъ и власти“, какъ думаетъ австрійскій юристъ фонъ Молиторъ ¹⁹⁾, сколько въ силу политическаго хода событій и фанатическаго настроенія умовъ въ имперіи Карла V, обвинительный процессъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто инквизиціонному, сперва въ общихъ, а затѣмъ и военныхъ судахъ. Въ 1632 году, памятномъ для имперіи военными неудачами въ борьбѣ съ Густавомъ-Адольфомъ и появленіемъ въ Нюренбергѣ его военного права, въ военныхъ судахъ произведены реформы. Въ виду того, что имперскія войска и войска католической лиги омрачали себя рядомъ неслыханныхъ злодѣяній и жестокостей, практика

¹⁹⁾ Von Molitor, § 8, стр. 38: „но случилось такъ, что хотя обвинительный процессъ (сначала) существовалъ рядомъ съ инквизиціоннымъ процессомъ, сей послѣдній однако въ концѣ XVII столѣтія, по натуральной склонности людей къ удобствамъ и власти (bei dem natürlichen Hange des menschen zur Bequemlichkeit und zur Gewalt) совершенно вытѣснилъ первый“.

чрезвычайныхъ судовъ должна была усиливаться. Для облегченія ея *кри.срехты* (Kriegsrechte) раздѣлены на четыре разряда: 1) Malefiz Recht—для суда важнѣйшихъ военныхъ и общихъ преступленій, 2) Stand-Recht — для суда въ 24 часа по преступленіямъ, грозившимъ укорениться или стать обыденными (überhandnehmenden); 3) Spiessrecht—родъ штандрехта, — судъ копья, вышедшій изъ употребленія въ имперіи только въ концѣ XVII столѣтія, и, наконецъ, 4) Kammerrecht—для сужденія и рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, споровъ и исковъ, а равно для разбирательства полицейскихъ нарушеній ²⁰⁾.

Затѣмъ во второй половинѣ XVII вѣка судопроизводство въ войскахъ имперіи преобразилось въ слѣдственный процессъ (по нашему „розыскъ“), съ неизбѣжною при немъ *пыткою*. Послѣдняя въ практикѣ чаще примѣнялась къ общимъ преступленіямъ, причемъ, вѣроятно, что, по праву войны, военнымъ судомъ въ Богеміи и въ другихъ мѣстахъ за государственныя преступленія судили и невоенныхъ людей. Отъ пытки были освобождены: престарѣлые, глухонѣмые, беременныя женщины, родильницы, старики и люди, ослабѣвшіе отъ болѣзни, государственные чины, за исключеніемъ государственныхъ преступниковъ и дуэлистовъ, доктора и, наконецъ, офицеры ²¹⁾ Впрочемъ этотъ законъ не всегда соблюдался въ имперскихъ и территориальныхъ судахъ.

По свидѣтельству историка Шлоссера, пытка примѣнялась въ государственныхъ преступленіяхъ въ имперіи въ XVI столѣтіи, во время борьбы съ рыцарями и

²⁰⁾ Тамъ же, § 8, стр. 33. Авторъ далѣе приводитъ выдержку о ходѣ военнаго процесса, помѣщеннаго профессоромъ Яков. Людовици (Ludovici) въ его сочиненіи „Kriegsprozess“. Людовици, въ свою очередь, приводимое мѣсто заимствовалъ изъ „Corpus juris militaris brandenburgicum“ изд. 1714 г., на стр. 1120 и слѣдующихъ. То-есть Мольторъ относитъ позднѣйшіе факты къ болѣе отдаленному времени.

²¹⁾ Тамъ же, § 8, стр. 38 и 39.

въ религіозныхъ войнахъ, вездѣ — въ Германіи, во Франціи, въ Испаніи и т. д. Для характеристики нѣмецкаго уголовнаго права и ученыхъ юристовъ, заправлявшихъ ими, онъ приводитъ слѣдующія замѣчательныя слова приговора надъ однимъ изъ храбрѣйшихъ рыцарей, уже дряхлымъ старикомъ, барономъ фонъ-Грумбахомъ, (18-го апрѣля 1567 года): „Хотя упомянутый Грумбахъ заслуживаетъ самаго строгаго наказанія, какое только можно было бы придумать, но курфюрстъ (Саксонскій), по врожденному своему благодушію, смягчаетъ его тѣмъ, чтобы Грумбахъ былъ только заживо четвертованъ“²²⁾.

Въ XVII и до половины XVIII вѣка пытки и смертные приговоры въ Германіи не ослабѣвали; напротивъ — даже усилились, что подтверждаетъ и Бернеръ²³⁾, говоря о практикѣ саксонскихъ юристовъ и Лейпцигскаго суда. Но въ XV и XVI столѣтіяхъ пытку и жестокія наказанія употребляли въ видахъ религіозныхъ, а въ XVII и XVIII — уже въ видахъ политическихъ; инквизиція усилилась подъ вліяніемъ политики Людовика XIV, одного изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей ученія Игнатія Лойолы.

Вліяніе ученыхъ нѣмецкихъ юристовъ и французскаго права явнымъ образомъ отразилось на военномъ процессѣ всей Германіи, гдѣ къ концу XVII столѣтія мало-по-малу исчезаетъ изъ военныхъ судовъ публичность судопроизводства, обвиненіе чрезъ профоса, право обвиняемаго избирать себѣ защитника, и такимъ путемъ вводится въ этихъ судахъ *инквизиціонный процессъ*, а въ немъ главное вліяніе на весь ходъ дѣла пріобрѣтаетъ послѣдователь испанскаго инквизитора — *аудиторъ*, котораго поѣтому едва-ли справедливо сравнивать съ шультгейсомъ старо-германскаго обвинитель-

²²⁾ Всемирная исторія Шлоссера, т. XIII, „Грумбахскія смуты“, стр. 323.

²³⁾ „Учебникъ уголовного права“, въ переводѣ Неклюдова.

наго процесса, какъ то дѣлають Фрицциусъ и фонъ Молисторъ.

Самое появленіе аудиторовъ въ военныхъ судахъ имперіи и Бранденбурга, около половины XVII столѣтія, свидѣтельствуеть, что въ эту именно эпоху инквизиціонный процессъ получилъ твердую почву въ католическихъ и протестантскихъ войскахъ, причеиъ съ перемѣною названія шультгейса (судебнаго старшины) на аудитора (инквизитора, слѣдователя-руководителя розыскомъ) долженъ былъ измѣниться въ существѣ и самый ходъ военнаго процесса. Дѣйстви-тельно, обвинительное гласное судопроизводство военныхъ судовъ переходитъ въ концѣ XVII вѣка въ слѣдственное, военно-каноническое; тайное судопроизводство стало безусловно необходимымъ для *Malefiz-Sachen*, т.-е. для важнѣйшихъ злодѣяній.

Такъ случилось съ обвинительнымъ процессомъ и въ шведскихъ войскахъ, для которыхъ Карлъ XI въ 1683 г. далъ: „регулы для веденія судебного процесса, розыска и приговора“²⁴⁾, въ которыхъ, несмотря на отвраще-ніе самого законодателя отъ пытки, она допущена, хотя только въ особыхъ, крайнихъ случаяхъ.

Этими *регулами* доказывается что одно изъ важнѣй-шихъ началъ военнаго правосудія Густава-Адольфа, въ концѣ XVII вѣка, подчинилось общей склонности къ инквизиціи.

~~~~~
Дозволено цензурою. Москва, 4 іюля 1881 года.

---

²⁴⁾ „*Corp. jur. milit. novissimum*“. ч. I, 412—419; въ 27 статьяхъ, приложенныхъ къ уложенію о шведскомъ (Карла XI) генеральномъ и полковомъ судѣ, подъ заглавіемъ: „*Hierauf folgen nun die Regeln, den gerichtlichen Prozess, die Untersuchung und das Urtheil betreffend*“.